

Евгению только что исполнилось 36. Помимо работы в "Останкино", где он обитает с 1987 года, у него есть американский спаниель, девятилетний сын и жена - умница и красавица Маша. Так считает не только ее муж. А он еще считает себя self-made мэном. В то время как некоторые завистливые коллеги и газета "Литературная Россия" объясняют его последние успехи давней связью с КГБ.

- Евгений, вы что, правда офицер КГБ?

- Действительно, в "Литературной России" написали, что я офицер КГБ, который под видом военного переводчика работал в Афганистане. На самом деле все было совсем не так романтично. По окончании Института стран Азии и Африки всю нашу группу забрали в армию и как специалистов с персидским направили переводчиками к нашим военным советникам в Афганистан. А когда я вернулся, то какое-то время вообще никуда не мог устроиться. А у меня была семья... Потом вдруг предложили преподавательскую работу в Высшей школе КГБ - я согласился. Быть может, я многих неприятно удивлю, но если бы меня в то время действительно пригласили в КГБ, то есть в разведку, я бы пошел. Мне ведь в голову не приходило, что наш разведчик может заниматься, например, закупкой шмотья для больших начальников. Я считал и считаю разведку вполне достойной миссией.

Что же касается Высшей школы КГБ, то это вообще сплошная проза. Понимаете, в этой системе есть совершенно четкое умение отсекают людей от информации. От вольнонаемного преподавателя требовали только одного - учить языку. В общем, я потерял там несколько лет, потом устроился на иновещание, позже на ЦТ, в международный отдел. Зрители меня долгое время вообще не замечали.

- Зато теперь заметили. К тому же нынешняя служба в ИТА почти как в разведке: и опасна, и трудна. Говорят, редакцию информации каждый день трясет от опровержений и разгневанных звонков. Ваши коллеги шутят: мол, снова придется рассказывать только об успехах посевной. С чем это связано?

- Когда высшие должностные лица так остро реагируют на факты - это результат того, что происходит в политике. К сожалению, выступления ТВ и прессы все чаще используются в политических играх.

- Но разве сама телеинформация не оказывает определенного влияния на политику? И неужели у вас никогда не возникало искушения политической карьеры?

- Было дело. В 1990 году я собрался выдвинуться кандидатом в депутаты Моссовета. Но это скорее дань моде, и хорошо, что из этого ничего не вышло. Политическая журналистика сама по себе оказывает влияние на общественное мнение. А оно, конечно, может повлиять на политику. Так происходит во всех демократических странах. Стоит какому-нибудь репортеру раскопать, что президент в молодости выкурив сигарету с марихуаной, как поднимется огромный скандал, который грозит даже отставкой. Но у нас все по-другому. Вы же помните, во время последнего съезда мои коллеги из "Новостей" обнародовали пленку с интервью Хасбулатова итальянцам, где он говорит именно то, от чего в тот же день утром категорически отскрился. Назавтра они гоняют эту пленку в эфире целый день - и что? Да ничего! Не реагируют ни правительство, обиженное Хасбулатовым, ни сам спикер, ни парламент. А ведь на Западе такой информации было бы достаточно, чтобы навсегда погубить политическую карьеру. У нас, выходит, власть по-прежнему безнаказанна. И пресса у нас зря беспокоится: Хасбулатов никакая не четвертая власть.

- Недавно одним из экспертов вашей программы был Михаил Горбачев. Неужели вы не подумали о том, что его многословное и назидательное выступление кое у кого вызовет, мягко говоря, раздражение?

- Разумеется, об этом человеку с моим опытом и интуицией трудно было не подумать. Отношение к Горбачеву в стране неоднозначно. Судя по опросам, большая часть населения в принципе к нему уже равнодушна. Есть люди, которые всегда будут его ненавидеть за то, что он сломал хребет коммунистической тоталитарной системе. Другие - и я в том числе - до сих пор относятся к Михаилу Сергеевичу с уважением. Но честно говоря, я ожидал увидеть его в новом образе. Он же выступил традиционно и по стилю, и по тональности, и по сквозившему через все это отношению к самому себе. По-моему, советники Горбачева, отвечающие за его имидж, продолжают давать ему плохие советы. Я знаю некоторых из этих людей. И уверен, они никогда не помогут ему повысить рейтинг. В принципе же во всем мире средства массовой информации охотно используют в качестве экспертов и комментаторов отставных госу-

дарственных деятелей. И в "Итогах" уже выступали Рыжков, Бессмертных, Лубенченко. Приглашение Горбачева не более чем продолжение этой линии.

- А когда вы приглашали Рыжкова, раздраженных звонков не было?

- Нет. Так только некоторые зрители брюзжали: мол, ничего не сделал, живет на шикарной даче...

- А в самом деле, зачем вам был нужен Рыжков?

- По-моему, появление даже отставных политиков такого ранга прибавляет рейтинг передаче.

- Но если для вас рейтинг имеет такое значение, почему бы вам вообще не упростить программу, не сделать ее более массовой?

- Наверное, это невозможно. Политика вообще вещь довольно сложная. А просто говорить о сложном у нас на ТВ умел только Бовин. Помните, сидел человек бальзаковского внешнего, огромный, с длинными волосами и пышными усами, большими пальцами выписывал в воздухе какие-то вензеля, и все всем становилось понятно. Вы знаете, он даже не пользовался телесуфлером.

- А вы без суфлера не можете?

- Я - нет.

"ИТОГИ" ЗА ОТЧЕТНЫЙ ПЕРИОД

Хотя Евгений Киселев не входит в первую пятерку самых популярных людей телевидения, московский рейтинг его "Итогов" на минувшей неделе превысил 40 процентов. То есть у передачи почти столько же зрителей, сколько у сериала "Богатые тоже плачут" - случай беспрецедентный для аналитической программы.

- Говорят, к каждой передаче вы основательно готовитесь, прочитываете горы информации?

- Да, и жаль, что много еще не успеваю прочесть.

- Значит, ваши комментарии это своего рода рефераты?

- Вовсе нет. Я все осмысливаю и все тексты пишу сам.

- А по какому принципу вы подбираете экспертов?

- Видите ли, у "Итогов" очень четкая концепция: емкий анализ тех политических событий, которые могут иметь значение для будущего страны и мира. Многие же очень умные люди и классные специалисты теряются перед камерой или говорят длинно - и мы не можем взять их выступления. Вообще на 25 выпусков мы всего раз пять имели тот подбор экспертов, который меня удовлетворил.

- А своей работой вы удовлетворены?

- Я бы не сказал. Я сам себе чаще не нравлюсь.

- А такое ощущение, что вам нравится быть в кадре, в эфире...

- Не в кадре. Я действительно ловлю кайф от работы в прямом эфире. Несколько раз мы по техническим причинам выходили в записи - и я просто измучился.

- А как вы для себя формулируете вашу роль? Конферансье? Комментатор? Главный эксперт?

- Я - автор и определяю главное: круг тем, задания корреспондентам, верстку передачи. И я уверен, что "Итоги" - по крайней мере в этой модели - уже не смогут существовать без меня.

- Многие ваши коллеги относятся к вам с подчеркнутым уважением, как к мэтру.

- Просто наша группа действительно много работает. Что касается лично меня, то я сдержанный человек и не панибратствую с теми, кто мне не очень интересен.

- Да, вы производите впечатление очень серьезного человека. Наверное, вы не только в институте были отличником, но и в школе. Я тоже с уважением относился к умным мальчикам, которые с детского сада знали имена всех зарубежных президентов и перед началом уроков в младших классах делали политинформацию.

- Ну, я не очень помню, что было в школе. Но политикой я стал интересоваться рано. В институте это было прежде всего интерес к политике международной.

- ИСАА - это звучало для вас престижно?

- Просто считалось, что в этот институт поступить легче, чем в другие, ориентированные на работу за границей. А я был сыном обычных родителей с точки зрения ЦК и первого управления КГБ.

- А вы хотели непременно работать за границей?

- Тогда - да. Теперь - не дай Бог. Жизнь-то, она ведь теперь здесь, а там спокойное существование. Теперь даже в "Новостях" снизилось число зарубежных сюжетов, потому что они интересуют зрителей меньше, чем дела внутренние.

- По-моему, причина прежде всего в качестве материалов ваших зарубежных соборов. Чуть ли не один Владимир Кондратьев работает нормально - вот его и дают в каждом выпуске "Новостей". Кстати, вы тоже из тех немногих, кто работает в еще новой для ИТА объективистской манере. Но что с вами случилось 21 июня, когда вы пошли на открытую пропаганду и очень недвусмысленно высказались по поводу правой оппозиции?

- Да, многие меня за это критиковали. Но я пошел на это сознательно и с болью. Называйте это пропагандой, если хотите. Но посмотрите, какую оголтелую пропагандистскую работу ведут "День", "Правда", "Советская Россия". Разве мы не должны что-то этому противопоставить? Я сам скорее спокойный консерватор. Но когда происходили эти беспорядки вокруг "Останкино", я вдруг увидел в люмпенизированной толпе, которую подняли правые, реальную преграду на пути к тому гражданскому обществу, где я смогу спокойно жить со своей либерально-центристской позицией. Вот поэтому меня и прорвало.

- А вообще вы конфликтный человек?

- Если вы о конфликтах с руководством, то у меня их не было. Просто так сложилась судьба. В свое время я не попал в обойму ведущих ТСН - я тогда работал во "Времени". Это в начале 1990 года - если помните, такой удивительный период, когда даже во "Времени" можно было не работать вразрез со своей совестью. А как только я почувствовал скрежет зачинчивающихся гаек, то ушел - сначала в программу "Утро", потом на РТВ, вслед за моим другом Олегом Добродеевым. Это было всего полтора года назад, но я вспоминаю этот период как юность. Мы мечтали, играли в свою телестудию. Реальность оказалась прозаичнее, но я не хочу тревожить анализом эти воспоминания. В "Останкино" я ушел к Егору Яковлеву вслед за Добродеевым. Знаете, есть актеры, которые хотят играть у одних режиссеров и не хотят у других. Так что мои нынешние начальники - люди, которых я уважаю. Что же с ними конфликтовать?

- А сейчас как вы относитесь к "Новостям" в 21 час? По-моему, они в дурном смысле академичны. Ночные новости поживее, как-то веселее по форме.

- А я не жду от "Новостей" никакого веселья. Я хочу получить сумму солидной информации. Да, "Новости" в 21 час академичны, но они уважаемы. А в других выпусках больше дилетантизма. Меня раздражает эта погоня за яркой формой, которая часто идет в ущерб содержанию. Я хочу, чтобы все было ясно и толково, пускай даже без всяких журналистских финтифлюшек.

- Кого же из ваших коллег вы особенно цените?

- Сергея Доренко.

- Евгений, вы выглядите просто-таки очень положительным человеком. Неужели у вас нет никаких недостатков?

- О, их у меня много, но зачем же я буду о них рассказывать. К тому же они перевешиваются достоинствами.

- А что вы считаете своим главным достоинством?

- О, у меня их масса, но о них я тоже не буду рассказывать - боюсь показаться нескромным.

- Все же некоторые ваши коллеги считают, что своим последним успехом вы обязаны привилегированному положению "Итогов". Это так?

- Может быть... А что в этом дурного? "Итоги" - это визитная карточка нашего агентства. Когда-то такой передачей была "До и после полуночи". Я помню, как сам старался, снимая сюжеты для Молчанова. Теперь люди для "Итогов" так же делают все, на что способны. Это интересно и почетно.

- Вот видите, каких "Итогов" вы добились к 36 годам. Ведь правда?

- У меня, конечно, было много потерянных лет. Но теперь и правда грех быть недовольным тем положением, которое я занимаю: в 36 лет - ведущий вечерней политической программы с высоким рейтингом. Раньше люди шли к этому всю жизнь. Ведущие аналогичных программ в США зарабатывают больше президентов - по несколько миллионов долларов в год: Питер Дженнингс, Томас Брокау, Дэн Разер...

Интервью взяла
Елена ЧЕКАЛОВА.
("Московские новости").